МІРЪ ИСКУССТВА

1904

№ 12.

1904, выпускъ двѣнадцатый,

подъ редакціей С. П. Дягилева.

СОДЕРЖАНІЕ.

Евг. Лансере.

Иллюстраціи къ стихамъ К. Д. Бальмонта „Поэзія стихій“ (Гимнъ Солнцу—изъ книги „Будемъ какъ Солнце“, „Вода“ и „Огонь“ изъ печатающагося сборника того же автора „Литургія красоты“).

Александро-Невская церковь въ Абасъ-Туманѣ.

10 снимковъ съ внѣшняго вида церкви, и со стѣнописи, раб. М. В. Нестерова.

Мюнхенскій Сецессіонъ 1904 года (6 илл.).

В. В. Верещагинъ.

Японскіе этюды 1903 года (4 илл.).

Хроника №№ 11 — 12.

Приложеніе:

А. Остроумова „Вилла папы Юлія III“. Оригинальная литографія.

Къ настоящему выпуску приложены оглавленія т. XI и XII, и хроники за 1904 годъ.

Открыта подписка на 1905 годъ.

Редакторъ-Издатель
С. П. Дягилевъ.

Редакторъ
Александръ Н. Бенуа.

Адресъ редакціи: СПБ. Фонтанка 11.

Адресъ конторы: СПБ. Гостиный дворъ 18. Книжн. магазинъ Т-ва М. О. Вольфъ.

Опечатка: на стр. 300 ошибочно напечатано „шесть этюдовъ“ вмѣсто: „четыре этюда“.

„MIR ISKOUSSTVA“ — „LE MONDE ARTISTE“

sixième année

1904, 12-me livraison,

sous la direction de M-r S. Diaghilew.

SOMMAIRE.

Eug. Lanceray.

Dessins, en-tête, culs-de-lampe etc. pour les poésies de C. Balmont—„Les quatre éléments“.

M. Nestéroff.

La peinture murale de l'église St. Alexandre-Nevski à Abas-Touman (Caucase).

La „Secession“ de Münich, 1904 (6 ill.).

B. Wérestchaguine.

Etudes faites au Japon (6 ill.).

Chronique des arts №№ 11—12.

Hors-texte:

M-lle A. Ostrooumow:

„La villa du pape Jules III“ lithographie originale.

Serge Diaghilew,
Editeur-Directeur.

Alexandre Benois,
Directeur.

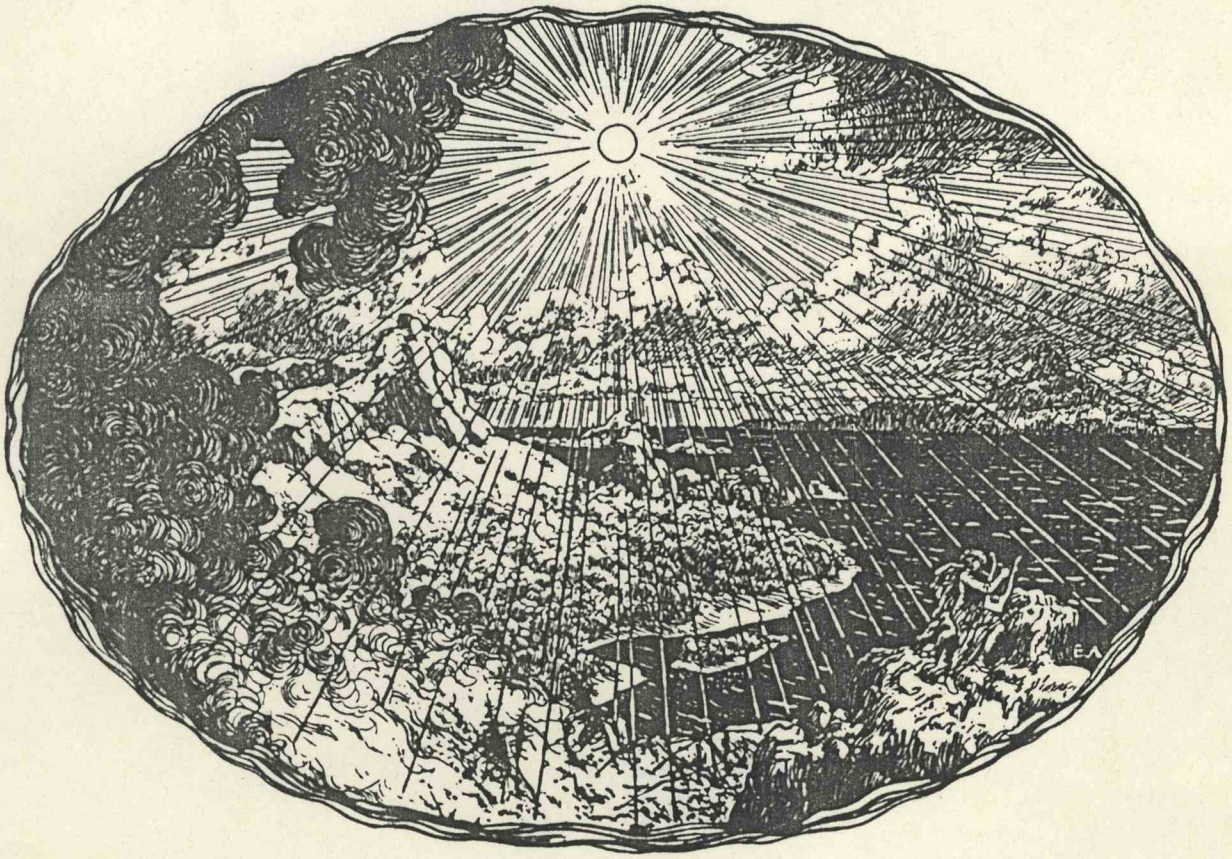
St-Pétersbourg. 11, Fontanka.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Февраля 1905 года.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.

МИР ИСКУССТВА. 1904: 11-12
SL.P.-1590 V.

Поэзія стихій.

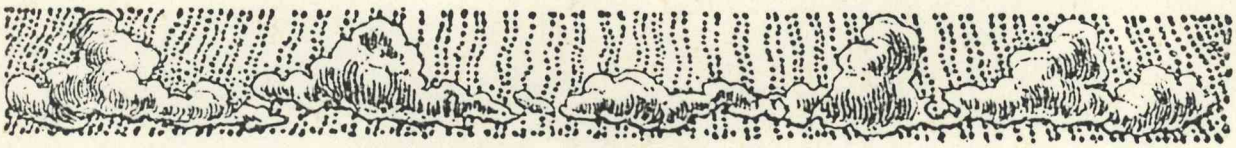


Гимнъ Солнцу.

I.

Жизни податель,
Свѣтлый создатель,
Солнце тебя я пою.
Пусть хоть несчастной
Сдѣлай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Страшный сжигающій Свѣтъ:
Дай мнѣ — на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,
Лучшаго въ мірѣ
Счастія нѣтъ!



2.

О, какъ, должно быть, было это Утро
Единственно въ величіи своемъ,
Когда, въ рубинахъ, въ нѣгѣ перламутра,
Зажглось ты первымъ творческимъ лучомъ.

Надъ Хаосомъ, гдѣ каждая возможность
Предчувствовала первый свой расцвѣтъ,
Во всемъ была живая полносложность,
Все было „Да", не возникало „Нѣтъ".

Въ ликующемъ и пьяномъ Океанѣ
Тьмы темъ очей глубокихъ ты зажгло,
И не было нигдѣ для счастья грани,
Любились всѣ, такъ жадно и свѣтло.

Дѣйствительность была равна съ мечтою,
И такъ же близь была свѣтла, какъ даль.
Чтобъ пѣсни трепетали красотою,
Не надо было въ нихъ влагать печаль.

Все было многолико и едино,
Все нѣжило и чаровало взглядъ,
Когда изъ перламутра и рубина
Въ то Утро ты соткало свой нарядъ.

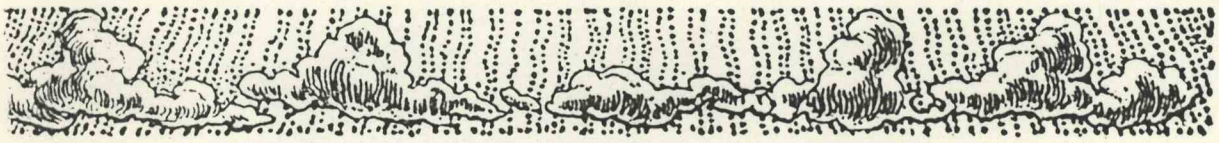
Потомъ, вспоивъ столѣтья, милліоны
Горячихъ, огнецвѣтныхъ, страстныхъ дней,
Ты жизнь вело чрезъ выси и уклоны,
Но въ каждый взоръ вливало блескъ огней.

И много разъ ликъ міра измѣнялся,
И много протекло могучихъ рѣкъ,
Но громко голосъ Солнца раздавался,
И пѣсню крови слышалъ Человѣкъ.

„О, дѣти Солнца! Какъ они прекрасны!"
Тотъ возгласъ перешелъ изъ устъ въ уста·
Въ тѣ дни лобзанья вѣчно были страстны,
Въ лицѣ красива каждая черта.

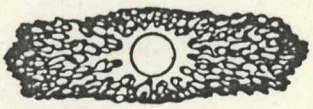
То въ Мексикѣ, гдѣ въ таинствахъ жестокихъ
Цвѣли такъ страшно красные цвѣты, —
То въ Индіи, гдѣ въ душахъ свѣтлоокихъ
Сложился блескъ ума и красоты,—

То тамъ, гдѣ Аписъ, весь согрѣтый кровью,
Склонивъ чело, на немъ являлъ звѣзду,
И, съ нимъ любя безстрашною любовью,
Лобзались люди въ храмахъ, какъ въ бреду,—



То между сновъ пластической Эллады,
Гдѣ Діонисъ царилъ и Аполлонъ,—
Вездѣ ты лило блескъ въ людскіе взгляды,
И разумъ міра въ Солнце былъ влюбленъ.

Какъ не любить свѣтило золотое,
Надежду запредѣльную Земли!
О, вѣчное, высокое, святое,
Созвучью нѣжныхъ строкъ моихъ внемли.



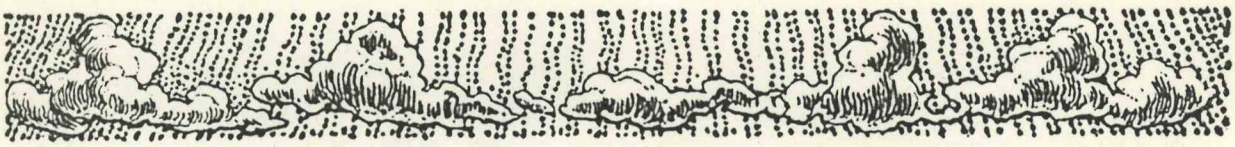
3.

Я все въ тебѣ люблю. Ты намъ даешь цвѣты,
Гвоздики алыя, и губы розъ, и маки,
Изъ безразличья темноты
Выводишь міръ, томившійся во мракѣ,
Къ красивой цѣльности отдѣльной красоты,—
И въ слитномъ Хаосѣ являются черты,
Во мглѣ, что предъ тобой, вдругъ дрогнувъ, подается,
Встаютъ—они и мы, глядятъ—и я, и ты,
Ростетъ, поетъ, сверкаетъ, и смѣется,
Ликуетъ празднично все то,
Въ чемъ лучъ горячей кровью бьется,
Что ночью было какъ ничто.

Безъ Солнца были бы мы темными рабами,
Внѣ пониманія, что есть лучистый день,
Но самоцвѣтными камнями
Теперь мечты горятъ, намъ зримы свѣтъ и тѣнь.
Безъ Солнца облака—тяжелыя, густыя,
Недвижно-мрачныя, какъ тягостный утесъ,
Но только ты взойдешь,—воздушно-золотыя,
Они воздушнѣй дѣтскихъ грезъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ мысли молодыя.

Еще ты не взойдешь, а міръ уже поетъ,
Надъ соснами гудитъ звенящій вѣтеръ Мая
И влагой синею поишь ты небосводъ,
Всю мглу Безбрежности лучами обнимая.

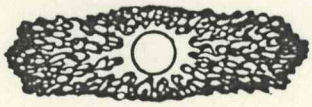
И вотъ твой яркій дискъ на небеса взошелъ,
Превыше вѣчныхъ горъ, горишь ты надъ богами,
И люди Солнце пьютъ, ты льешь вино струями,
Но страшно ты для глазъ, привыкшихъ видѣть долъ,
На Солнце лишь глядитъ орелъ,
Когда летитъ надъ облаками.



Но, не глядя на ликъ, что ослѣпляетъ всѣхъ,
Мы чувствуемъ тебя въ громахъ, въ нѣмой былинкѣ,
Когда, желанный намъ, мы слышимъ звонкій смѣхъ,
Когда увидимъ лучъ, средь чащи, на тропинкѣ.

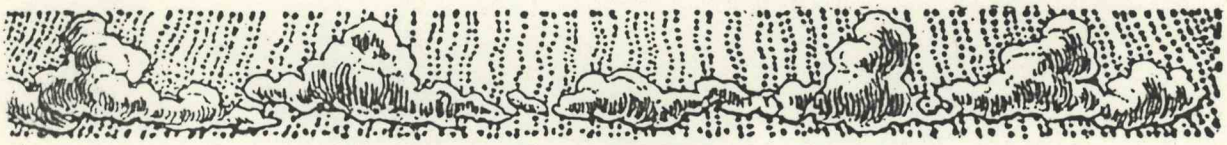
Мы чувствуемъ тебя въ рѣкѣ полночныхъ звѣздъ,
И въ глыбахъ темныхъ тучъ, разорванныхъ грозою,
Когда межъ нихъ горитъ, манящей полосою,
Воздушный семицвѣтный мостъ.

Тебя мы чувствуемъ во всемъ, въ чемъ блескъ алмазный,
Въ чемъ блескъ коралловый, жемчужный, иль иной,
Безъ Солнца наша жизнь была бъ однообразной,
Теперь же мы живемъ мечтою вѣчно-разной,
Но болѣе всего ласкаешь ты—весной.

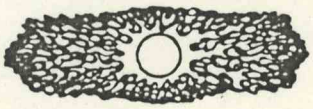


4.

Свѣжей весной
Все-озаряющее,
Насъ опьяняющее
Цвѣтомъ, тепломъ, новизной,
Слабые стебли для жизни прямой укрѣпляющее,
Ты, пребывающее
Съ нимъ, неизвѣстнымъ, съ тобою, любовь, и со мной!
Ты теплое въ радостно-грустномъ Апрѣлѣ,
Когда на зарѣ
Играютъ свирѣли;
Горячее въ лѣтней порѣ,
Въ палящемъ Іюлѣ,
Родящемъ зернистый и сочный приливъ
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ,
Что въ свѣтѣ лучей потонули.
Ты жгучее въ Африкѣ; свѣтъ твой горитъ
Смертельно, въ часъ полдня, вблизи Пирамидъ,
И въ зыбяхъ песчанной Сахары.
Ты страшное въ нашей Россіи лѣсной,
Когда, воспринявши палящій твой зной,
Рокочутъ лѣсные пожары.
Ты въ отблескахъ мертвыхъ, въ предѣлахъ тѣхъ странъ,
Гдѣ бѣлою Смертью одѣтъ Океанъ,
Что люди зовутъ Ледовитымъ,
Гдѣ стелются версты и версты воды,
И вѣчно звенятъ и ломаются льды,
Бѣлѣя подъ вѣтромъ сердитымъ.



Въ Норвегіи блѣдной — полночное ты;
Сіяньемъ полярнымъ глядишь съ высоты,
Горишь въ сочетаньяхъ нежданныхъ.
Ты тусклое тамъ, гдѣ взростаютъ лишь мхи,
Цѣпляются въ тундрахъ, глядятъ какъ грѣхи,
Въ краяхъ, для тебя нежеланныхъ.
Но Солнцу и въ тундрахъ предѣльности нѣтъ,
Они получаютъ зловѣщій твой свѣтъ,
И если есть черныя страны,
Гдѣ люди въ бреду и въ видѣньяхъ весь годъ,
Тамъ день есть межъ днями, когда небосводъ
Мигъ правды даетъ за обманы.
И тотъ, кто томился весь годъ безъ лучей,
Въ мигъ Правды богаче избранниковъ дней.



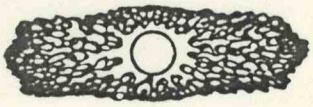
5.

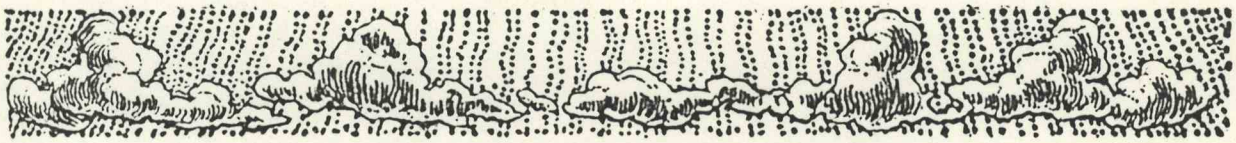
Я тебя воспѣваю, о, яркое, жаркое Солнце,
И хоть знаю, что я и красиво, и нѣжно пою,
И хоть струны Поэта звончѣй золотого червонца,
Я не въ силахъ исчерпать всю властность, всю чару твою.

Еслибъ я родился не пѣвцомъ, истомленнымъ тоскою,
Еслибъ былъ я звенящей блестящей свободной волной,
Я украсилъ бы берегъ жемчужиной—искрой морскою —
Но не зналъ бы я, сколько сокрыто ихъ всѣхъ глубиной.

Еслибъ я родился не стремящимся жаднымъ Поэтомъ,
Я расцвѣлъ бы какъ ландышъ, какъ бѣлый влюбленный цвѣтокъ,
Но не зналъ бы я, сколько цвѣтовъ раскрывается лѣтомъ,
И душистые сны сосчитать я никакъ бы не могъ.

Такъ тебя воспѣвая, о, Счастье, о, Солнце святое,
Я лишь частію слышу ликующій жизненный смѣхъ,
Все люблю я въ тебѣ, ты во всемъ и всегда молодое,
Но сильнѣе всего то, что въ жизни горишь ты—для всѣхъ.



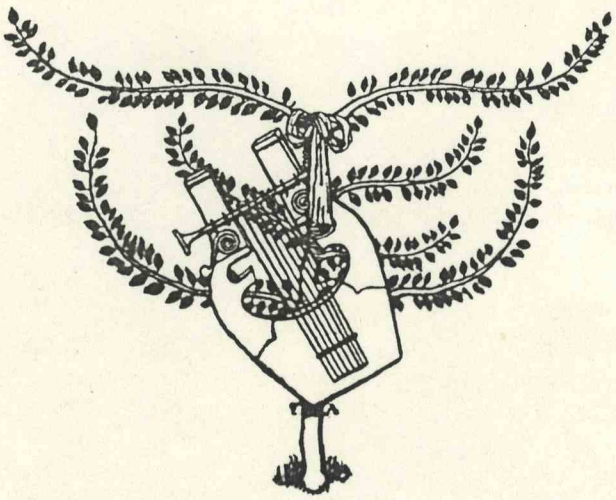


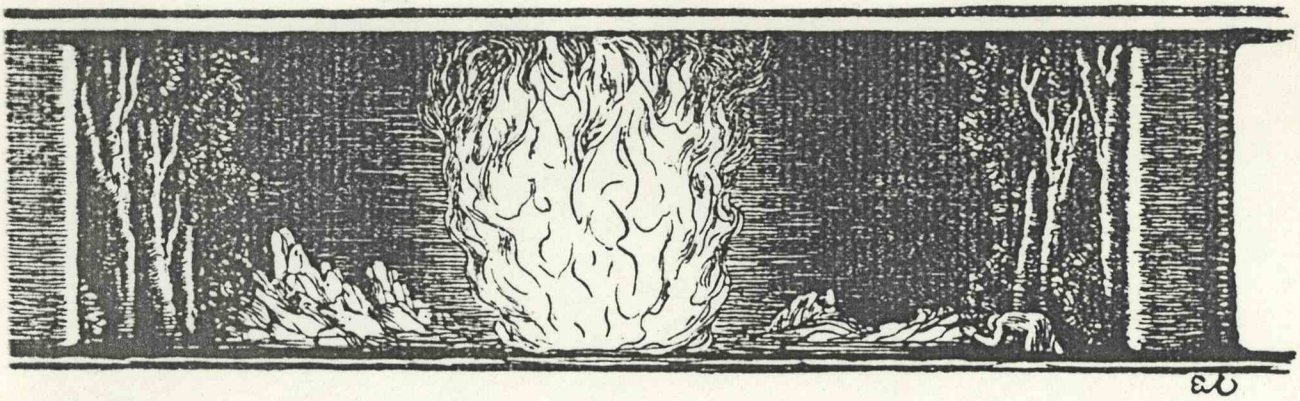
7.

О, Міроздатель,
Жизнеподатель,
Солнце, тебя я пою!
Ты въ полногласной
Сказкѣ прекрасной
Сдѣлало страстной
Душу мою!

Жизни податель,
Богъ и Создатель,
Мудро сжигающій—Свѣтъ!
Радъ я на пирѣ
Звукомъ быть въ лирѣ,
Лучшаго въ мірѣ
Счастія нѣтъ!

К. Бальмонтъ.





ОГОНЬ

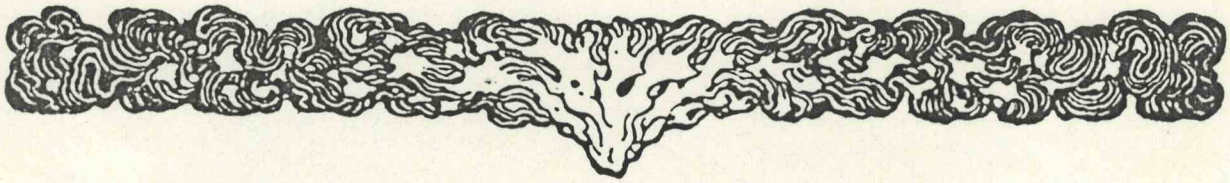
Огнепоклонникомъ я прежде былъ когда-то,
Огнепоклонникомъ останусь я всегда.
Мое индійское мышленіе богато
Разнообразіемъ разсвѣта и заката,
Я между смертными—падучая звѣзда.

Средь человѣческихъ безцвѣтныхъ привидѣній,
Межъ этихъ будничныхъ безжизненныхъ тѣней,
Я вспышка яркая, блаженство изступленій,
Игрою красочной свѣтло вѣнчанный геній,
Я праздникъ радости, расцвѣта и огней.

Какъ обольстительна въ провалахъ тьмы комета!
Она пугаетъ мысль и радуетъ мечту.
На всемъ моемъ пути есть свѣтлая примѣта,
Мой взоръ—блестящій кругъ, за мною—вихри свѣта,
Изъ тьмы и пламени узоры я плету.

При разрѣшенности стихійнаго мечтанья,
Въ начальномъ Хаосѣ, еще не знавшемъ дня,
Не гномомъ роющимъ я былъ средь мірозданья,
И не ундиною морского трепетанья,
А саламандрою творящаго огня.

Подъ Гималаями, чьи выси—въ блескахъ Рая,
Я понялъ яркость думъ, среди долинной мглы,
Горѣла въ темнотѣ моя душа живая,
И людямъ я свѣтилъ, костры имъ зажигая,
И Агни свѣтлому слагалъ свои хвалы.



Съ тѣхъ поръ, какъ мигъ одинъ, прошли тысячелѣтья,
Смѣшались языки, содвинулись моря.
Но все еще на Свѣтъ не въ силахъ не глядѣть я,
И знаю явственно, пройдутъ еще столѣтья,
Я буду все свѣтить, сжигая и горя.

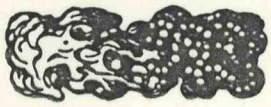
О, да, мнѣ нравится, что бѣло такъ и ало
Горѣнье вѣчное земныхъ и горнихъ странъ.
Молиться пламени сознанье не устало,
И для блестящаго мнѣ служатъ ритуала
Уста горячія, и Солнце, и вулканъ.

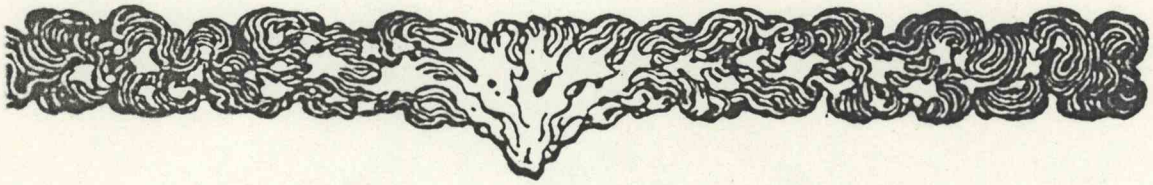
Какъ убѣдительна лучей ростущихъ чара,
Когда намъ Солнце вновь бросаетъ жаркій взглядъ,
Неисчерпаемость блистательнаго дара!
И въ красномъ заревѣ побѣднаго пожара
Какъ убѣдителенъ, въ оправѣ тьмы, закатъ!

И въ страшныхъ кратерахъ—молитвенные взрывы:
Качаясь въ пропастяхъ, рождаются на днѣ
Колосья пламени, чудовищно-красивы,
И вдругъ взметаются пылающія нивы,
Уставъ скрывать свой блескъ въ могучей глубинѣ.

Бѣгутъ колосья ввысь изъ творческаго горна,
И шелестѣнья ихъ слагаются въ напѣвъ,
И стебли жгучіе сплетаются узорно,
И съ свистомъ падаютъ пурпуровыя зерна,
Для сна отдѣльности въ той слитности созрѣвъ.

Не то же ль творчество, не то же ли горѣнье,
Не тѣ же ль ужасы, и та же красота
Кидаютъ любящихъ въ безумное сплетенье,
И заставляютъ ихъ кричать отъ наслажденья,
И замыкаютъ имъ безмолвіемъ уста!

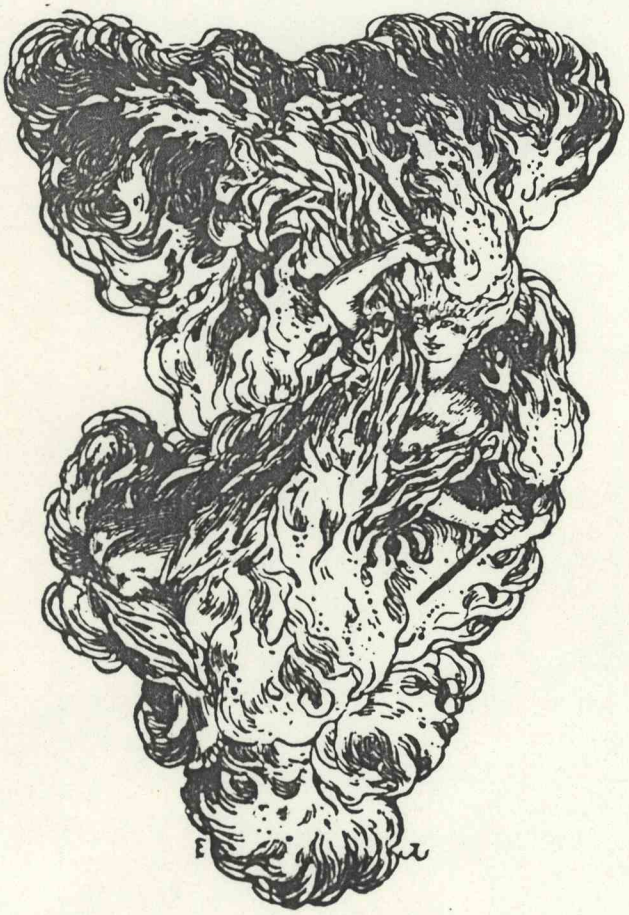




Въ порывѣ бѣшенства въ себя принявши Вѣчность,
Въ истомѣ сладостной—блаженной слѣпоты,
Они вдругъ чувствуютъ, какъ дышетъ Безконечность,
И въ ихъ сокрытностяхъ, сквозь ласковую млечность,
Молніеносные рождаются цвѣты.

Огнепоклонникомъ Судьба мнѣ быть велѣла,
Мечтѣ молитвенной ни въ чемъ преграды нѣтъ.
Единымъ пламенемъ горятъ душа и тѣло,
Глядимъ въ бездонность мы въ узорностяхъ предѣла,
На вѣчный праздникъ сновъ зоветъ безбрежный, Свѣтъ.

К. Бальмонтъ.



1.

Вода, стихія сладострастія,
Вода, зеркальность нашихъ думъ,
Бездонность сновъ, безбрежность счастія,
Часовъ бѣгущихъ легкій шумъ.

То недвижимо-безглагольная,
То съ неудержною волной,
Но вѣчно-легкая и вольная,
И вѣчно дружная съ Луной.

И съ Солнцемъ творческимъ сліянная,
То—гулъ, то—плескъ, то—блестки струй.
Стихія страстная и странная,
Твой голосъ—влажный поцѣлуй.

2.

Отъ капли росы, что трепещетъ, играя
Огнемъ драгоцѣнныхъ камней,
До блѣдныхъ просторовъ, гдѣ, вдаль убѣгая,
Вѣнчается пѣною влага морская
На глади бездонныхъ морей,
Ты всюду, всегда, неизмѣнно-живая,
И то изумрудная, то голубая,
То полная красныхъ и желтыхъ лучей,
Оранжевыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, и синихъ,
И тѣхъ, что рождаются только въ пустыняхъ,
Въ волненьи и пѣньи безмѣрныхъ зыбей,
Оттѣнковъ, что видны лишь избраннымъ взорамъ,
Дрожаній, сверканій, мельканій, которымъ
Нельзя подыскать отражающихъ словъ,
Хоть въ словѣ бездонность оттѣнковъ блистаетъ,
Хоть въ словѣ красивомъ всегда расцвѣтаетъ
Весна многоцвѣтныхъ цвѣтовъ.

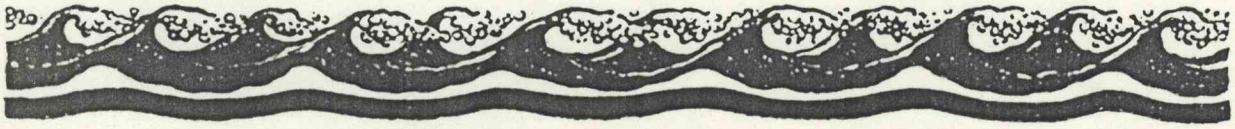
Вода безконечные лики вмѣщаетъ
Въ безмѣрность своей глубины,
Мечтанье на зыбяхъ различныхъ качаетъ,
Молчаньемъ и пѣньемъ душѣ отвѣчаетъ,
Уводитъ сознаніе въ сны.

Богатыми были, богаты и нынѣ
Просторы лазурно-зеленой пустыни,
Рождающей міръ островной.
И море—все море, но, въ вольномъ просторѣ,
Различно оно въ человѣческомъ взорѣ
Качается грезой — волной.

Въ различныхъ скитаньяхъ,
Въ иныхъ сочетаньяхъ
Я слышалъ сказанія бурь,
И знаю, есть разность въ мечтаньяхъ.

Я видѣлъ Индійское море, лазурь,
Въ немъ волнъ голубые извивы;
И Красное море, гдѣ ласковъ кораллъ,
Гдѣ розовой краскою зыбится валъ;
И Желтое, водныя нивы;
Зеленое море, Персидскій заливъ;
И Черное море, гдѣ буенъ приливъ;
И Бѣлое, призракъ красивый.

И всюду я думалъ, что всюду, всегда,
Различно-прекрасна Вода.



3.

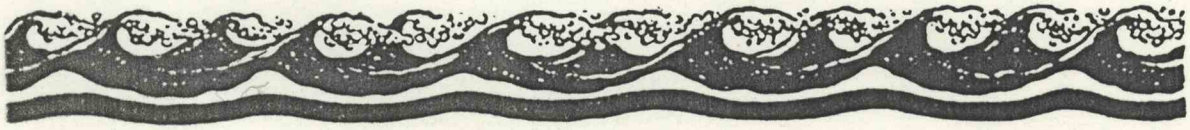
Безмолвно она подъ землею таится,
Ей Солнце и Небо, тамъ въ сумракѣ, снится,
И нѣжная къ Солнцу сумѣетъ прорыться,
Пещеры сплотитъ въ города;
Застынетъ и дремлетъ надъ горной вершиной,
И дрогнетъ, услышавши возгласъ звѣриный,
Отъ крика проснется, сорвется лавиной,
И вихремъ несется Бѣда;
Беззвучна въ колодцахъ, въ прозрачныхъ озерахъ,
Безгласна во влажныхъ ласкающихъ взорахъ,
Но въ снѣжныхъ узорахъ таится въ ней шорохъ
И звонкое вскрытіе льда.

Превратившись въ снѣга, заключившись въ усладу молчанья,
Разстилаясь застывшей студеной нѣмой пеленой,
Отъ зеленой Луны принимая въ снѣжинки мерцанья.
Въ первозданность Вода возвращается теплой весной.

И играетъ волной,
И бѣжитъ, и поетъ,
И горитъ бѣлизной
Уплывающій ледъ.
Наростаніемъ водъ
Затопляетъ луга.
Все побѣдно возьметъ,
Всѣ зальетъ берега.

Какъ раздольна игра
Водопольной волны.
Но шепнули „Пора!"
Уходящіе сны.
И рѣчной глубины
Установленъ размѣръ.
Всѣ цвѣты зажжены,
Пышенъ праздникъ весны,
Въ немъ лучи сплетены
Отдаленнѣйшихъ сферъ.

Все приняло свой вѣчный видъ,
Ликъ озера зеркально спитъ,
Безгласно дремлетъ гладь затона;
О безконечности усладъ
Поетъ безсмертный водопадъ,
Ключи бѣгутъ по скатамъ склона.



И рѣкъ причудливый узоръ
Лелѣйной сказкой нѣжитъ взоръ,
Ихъ видъ спокоенъ и беззвученъ;
И тотъ узоръ свѣтло сплетенъ
Въ серебряный, въ хрустальный сонъ,
Среди уклончивыхъ излучинъ.

И безъ конца поютъ ручьи,
И нѣжатъ душу въ забытьи
Воздушно-сладкою тоскою.
Какъ разность ярко здѣсь видна,
Какъ ясно, что вода одна:
Ручей различно—схожъ съ рѣкою.

И намъ преданья говорятъ:
Ручей съ рѣкой — сестра и братъ.

Ручей ласкаетъ слухъ, влечетъ насъ въ отдаленье,
Ручей журчитъ, звучитъ, баюкаетъ, поетъ.
Рѣка лелѣетъ глазъ, даетъ успокоенье
Движеньемъ медленнымъ безмолвствующихъ водъ.

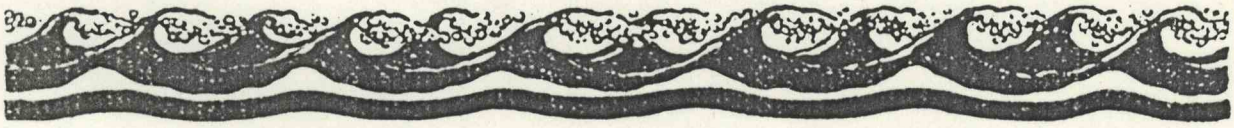
Ручей, какъ чаровникъ, дремотно шепчетъ, манитъ,
Ручей гадаетъ намъ, и вкрадчиво зоветъ.
Рѣка нашъ зыбкій духъ яснитъ, а не туманитъ
Успокоительнымъ теченьемъ свѣтлыхъ водъ.

Ручей намъ говоритъ: „Люби! Люби! Люби же!"
Но въ немъ не отраженъ глубокій небосводъ.
Кто въ рѣку заглянулъ, тотъ Небо видитъ ближе,
Лазури хочется безмолвствующихъ водъ.

4.

Но перемѣнная Вода
Быть хочетъ разною всегда,
Восторгъ рождаетъ полногласный.
Къ преображеніямъ бѣжитъ,
Мѣняетъ видъ, и жить спѣшитъ,
Не уставая быть прекрасной.

Вонъ бьется Гейзеръ голубой,
Весь очарованный собой,
Съ водою бѣшено-кипящей.
Какъ ослѣпительно-свѣтла
Она выходитъ изъ жерла,
Кругомъ бросая паръ свистящій.



Столбами пляшетъ влажный прахъ,
Несчетность радугъ въ тѣхъ столбахъ,
Паденіе дождей алмазныхъ,
Сліянье свѣтовъ и тѣней,
Переплетеніе огней,
Всегда—однихъ и вѣчно—разныхъ.

Тамъ дальше море—Океанъ,
Неизмѣримъ и неогляденъ;
На днѣ утесы, пасти впадинъ,
Подводныхъ силъ военный станъ.

Проходятъ быстрыя акулы,
Домамъ подобные киты;
Въ прорывахъ влажной темноты
Спиральные родятся гулы.

Въ круговращеніи своемъ
Чудовищной змѣѣ подобный,
Гудитъ, и плещетъ сѣчкой дробной,
Воронка адская, Мальстремъ.

Совсѣмъ другого Океана
Другія области встаютъ;
Существъ невидимыхъ пріютъ,
Затишье въ кругѣ урагана.

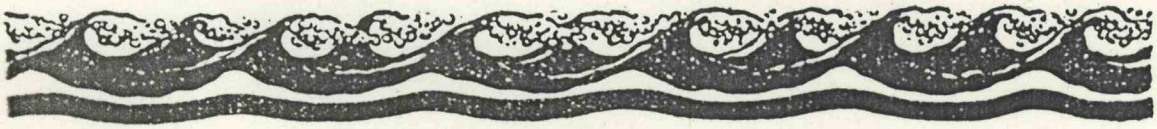
Кораллы межъ морскихъ валовъ,
Водой рожденныя картины;
Червеобразныя плотины
Кольцеобразныхъ острововъ.

Людскихъ строеній первотипы,
Оазисы пустынь морскихъ;
Не люди создавали ихъ,
А кругодумные полипы.

Имъ свѣта хочется—и вотъ,
Ростутъ узорныя сплетенья,
Осуществляются хотѣнья,
Оазисъ круговой живетъ.

Изъ влаги возстаютъ кораллы,
И волны бѣшено кругомъ
Несутся въ строѣ боевомъ.
Какъ викинги въ предѣлъ Валгаллы.

О, да, я знаю, что всегда
Полна безмѣрныхъ чаръ Вода
Но понялъ это я не сразу.
Все въ мірѣ нужно различать,
На всемъ лежитъ своя печать,
И аметистъ—не братъ алмазу.



5.

Я помню, въ далекіе дѣтскіе дни
Привидѣлся странный мнѣ сонъ.
Мнѣ снилось, что бѣлые въ Небѣ огни,
И ими нашъ садъ озаренъ.

Сверкаютъ далеко холодные льды,
Струится безжизненный свѣтъ.
Звѣзда отражаетъ сіянье звѣзды,
Сплетаются гроздья планетъ.

Сплетаются тысячи крупныхъ планетъ,
Блестятъ, возростаютъ, растутъ.
Но въ этомъ сіяньи мнѣ радости нѣтъ,
Цвѣты предо мной не цвѣтутъ.

Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестка,—
Иначе зажжется ли взглядъ.
Но нѣтъ предо мною въ саду ни цвѣтка,
Весь бѣлый безжизненный садъ.

И сталъ я тихонько молиться въ бреду,
И звѣзды дрожали въ отвѣтъ.
И что-то какъ будто мѣнялось во льду,
И таяли гроздья планетъ.

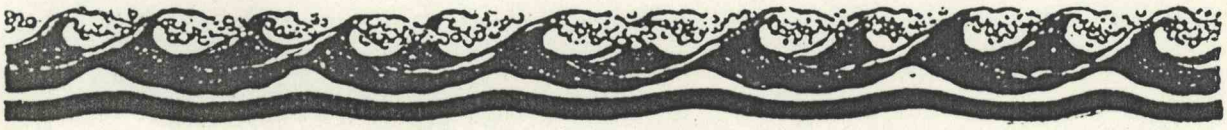
И, въ свѣтлой по новому, въ той полумглѣ
Возникли потоки дождя.
Они прикоснулись къ далекой землѣ,
Съ высокаго Неба идя.

Полъ-міра окуталъ блистающій мостъ,
Въ немъ разные были цвѣта.
Въ немъ не было блѣдности мертвенныхъ звѣздъ,
Живая была красота.

О, чудо. О, радость. Вблизи предо мной,
Вдругъ ожилъ мой сказочный садъ.
Цвѣты расцвѣтали живой пеленой,
Былъ свѣтелъ младенческій взглядъ.

Раздвинулись полосы ровныхъ аллей,
Свѣтло заигралъ изумрудъ.
Подъ частою чащей зеленыхъ вѣтвей
Цвѣты голубые цвѣтутъ.

Багряныхъ, и алыхъ, и желтыхъ цвѣтовъ
Росла золотая семья.
Ребенку такъ нуженъ расцвѣтъ лепестковъ,
И это такъ чувствовалъ я.



И въ ландышахъ бѣлыхъ, отъ капель дождя
Иначе зажглась бѣлизна.
И дождь прекратился. И, съ Неба идя,
Струилась лишь музыка сна.

Мы видимъ въ младенчествѣ вѣщіе сны.
Такъ близко мы къ Небу тогда.
И этого сна, и цвѣтовъ пелены,
Не могъ я забыть никогда.

Съ звѣздою, блистая, сплеталась звѣзда,
Тянулась звѣзда до звѣзды.
Я помню, я понялъ впервые тогда
Зиждительность свѣтлой Воды.

6.

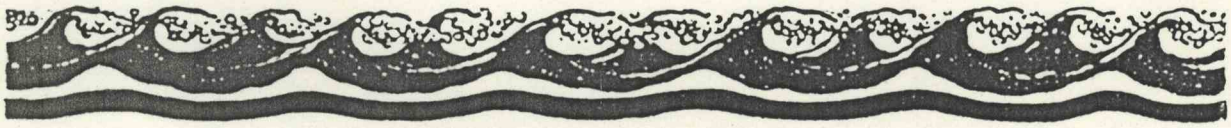
Но минули дѣтскіе годы,
Много хотѣла мечта.
Хоть все же я въ царствѣ Природы
Любилъ и цвѣты, и цвѣта.

Блаженно, всегда и повсюду,
Мнѣ чудились рокоты струнъ.
Я шелъ къ неизвѣстному чуду,
Мечтателенъ, нѣженъ, и юнъ.

И ночью плѣнительной Мая,
Да, въ первую четверть Луны,
Мнѣ что-то сверкнуло, мелькая,
И вновь я увѣровалъ въ сны.

Я помню баюканья бала,
Весь ожилъ старинный нашъ домъ.
И музыка сладко звучала
Въ мечтательномъ сердцѣ моемъ.

Улыбки, мельканья, узоры,
Желанныя сердцу черты.
Мгновенно-сліянные взоры,
Цвѣты и мечты Красоты.



Все было вотъ здѣсь, въ настоящемъ,
Въ волнѣ наростающихъ силъ.
Съ желанною, въ залѣ блестящемъ,
Я въ вальсѣ старинномъ скользилъ.

И чудилось мнѣ, что столѣтій
Надъ нами качался полетъ.
Но мы проносились, какъ дѣти,
И полъ озарялся, какъ ледъ.

И близкое тѣло скользило,
Я нѣжно объятіе длю.
„Ты любишь?" душа говорила.
Глаза говорили: „Люблю".

Другъ другу сказали мы взоромъ,
Что тотчасъ мы спустимся въ садъ.
И связаны тѣмъ договоромъ,
Скользили, какъ тѣни скользятъ.

Лишь нѣсколько быстрыхъ мгновеній,
И мы отошли отъ огней.
Мы въ сумракъ цвѣтущихъ сиреней
Съ знакомыхъ сошли ступеней.

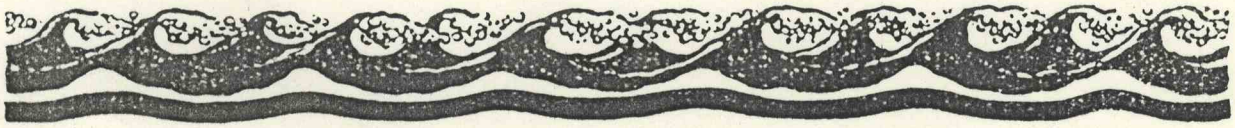
И стройная музыка бала,
И вальса стариннаго звонъ,
Какъ дальняя сказка звучала,
И душу качала, какъ сонъ.

Но ближе другое вліянье
Слагало свой властный напѣвъ.
Всѣ думы сожгло ожиданье,
И сердце блеснуло сгорѣвъ.

Въ саду, въ томъ старинномъ, пустынномъ,
Гдѣ праздникъ цвѣтовъ былъ мнѣ данъ,
Подъ свѣтомъ планетъ паутиннымъ
Журчалъ неумолчно фонтанъ.

О, какъ былъ узывчивъ тотъ сонный
И вѣчно-живой водоемъ.
Онъ полонъ былъ мысли бездонной
Въ журчаньи безсмертномъ своемъ.

Изъ раковинъ звонкихъ сбѣгая,
И влагу въ лобзаньяхъ дробя,
Вода трепетала, сверкая,
Онъ лился въ себя-изъ себя.



И снова, какъ въ дѣтствѣ, свѣтили
Созвѣздья съ нѣмой высоты.
И въ сладостно-дышущей силѣ
Цвѣли многоцвѣтно цвѣты.

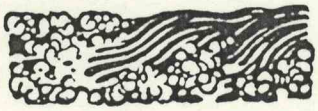
Но пряности ихъ аромата
Сказали намъ, съ пѣніемъ водъ,
Что къ прошлому нѣтъ намъ возврата,
Что новое новымъ живетъ.

И пѣли такъ сладко свирѣли,
Въ себя убѣгающихъ струй,
Что мы колебаться не смѣли,
И влажный возникъ поцѣлуй.

И радостныхъ звѣздъ чарованье,
Свѣтилось такъ странно въ тотъ часъ,
Что влажное это сліянье
Навѣкъ пересоздало насъ.

Я видѣлъ такъ ясно узоры,
Сплетенья, гирлянды планетъ.
И чьи-то безсмертные взоры
Хранили немеркнущій свѣтъ.

Лелѣя цвѣты міровые,
Межъ звѣздъ проходила Весна.
Въ той ночи прозрачной, впервые
Я понялъ, какъ влага нѣжна.



7.

Боль, какъ бы ни пришла, приходитъ слишкомъ рано.
Прошли въ теченьи лѣтъ еще, еще года,
На шепчущемъ пескѣ ночного Океана
Я въ полночь былъ одинъ, и пѣнилась вода.

Вставалъ и упадалъ прибой живой пустыни,
Рождала отклики на сушѣ глубина.
Былъ тотъ же Океанъ, отъ вѣка и донынѣ,
Но я не зналъ, о чемъ поетъ его волна.

Въ моемъ сознаніи иныя волны пѣли,
Припоминанія всего, что видѣлъ я.
И чудилась мнѣ мать у дѣтской колыбели,
И чудился мнѣ гробъ, любовь и смерть моя.

Въ предѣльность точную замкнутыя стремленья,
Паденье, высота, разорванный узоръ.
Все тѣхъ же вѣчныхъ силъ все новыя сцѣпленья.
Моей души ночной качанье и просторъ.

Но за разорванной и многоцвѣтной тканью
Я чувствовалъ мою—иль не мою—мечту.
Въ концѣ-концовъ я радъ--всему, я радъ страданью,
Я нити яркія въ живой узоръ плету.

Но мнѣ хотѣлось знать все содержанье смысла.
Куда же я иду? Куда мы всѣ идемъ?
Скажите, звѣзды, мнѣ, вы, замыслы и числа,
Вы, волны вѣчныя, чьихъ влажныхъ ласкъ мы ждемъ.

На Небѣ облака, нѣжнѣй мечтаній лѣтомъ,
Въ холодной ясности ночного Сентября,
Дышали призрачнымъ неуловимымъ свѣтомъ,
Какъ бы сознаніемъ прошедшаго горя.

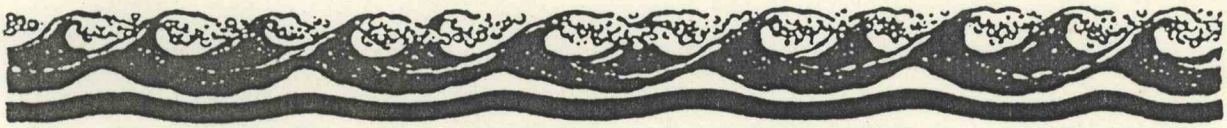
Отъ водъ вставала мгла волнистаго тумана,
И долго я смотрѣлъ на синій небосклонъ.
И вотъ въ мои зрачки — отъ зыбей Океана
И отъ высотъ Небесъ — вошелъ безсмертный сонъ.

Такъ глубока Вода, подъ Небомъ безъ предѣла,
Такая тайна въ двухъ живетъ, всегда дыша,
Что можетъ утонуть въ ихъ снахъ не только тѣло,
Но и глубокая, всезрящая душа.

Изъ легкой водной мглы и изъ сіяній звѣздныхъ,
Изъ нѣжно-зыбкаго, воздушнаго руна,
Межъ двухъ бездонностей, и въ двухъ зеркальныхъ безднахъ,
Возникла призрачно-блаженная страна.

Міръ, гдѣ ни мукъ, ни тьмы, ни страха, ни обиды,
Гдѣ всѣ, плетя узоръ, въ узорность сплетены.
Какъ будто города погибшей Атлантиды,
Преображенные, возстали съ глубины.

Домовъ прекраснѣйшихъ возникли миріады,
Среди невиданныхъ фонтановъ и садовъ.
Я зналъ, что въ тѣхъ стѣнахъ всегда лучисты взгляды,
И могутъ все сказать глаза живыхъ — безъ словъ.

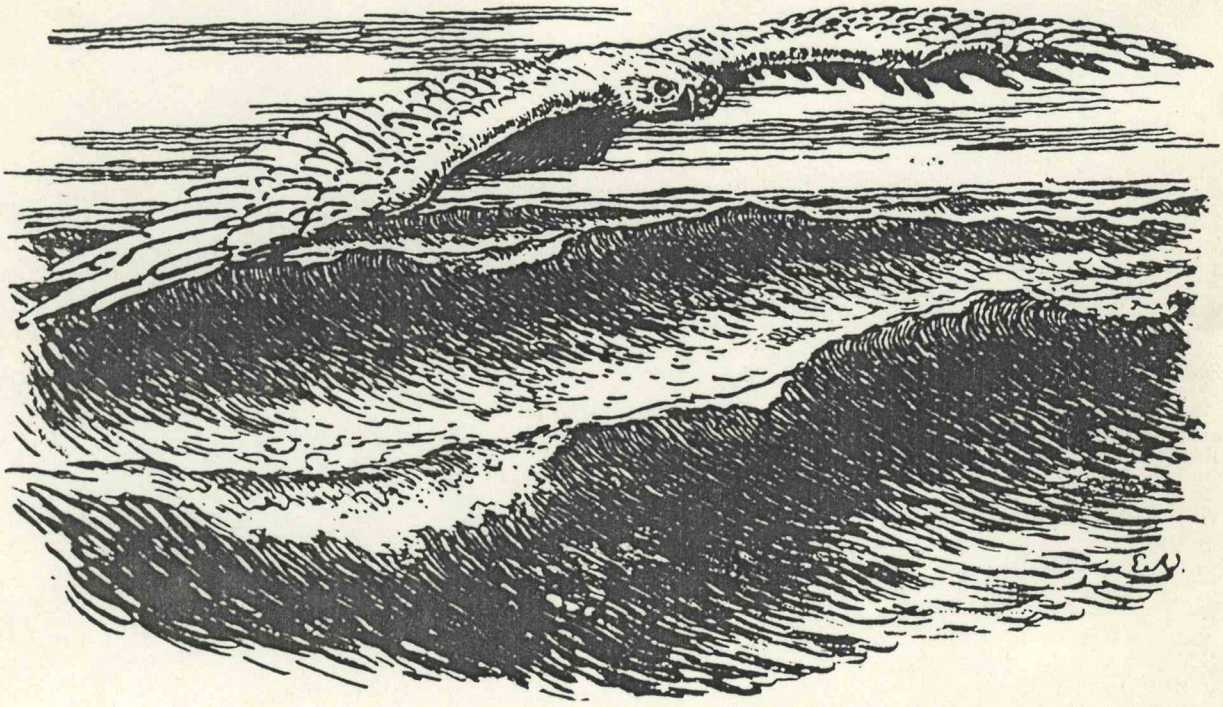


Здѣсь каждый новый день былъ сказкой, какъ вчерашній,
Созданій мысленныхъ, дрожа, росли лѣса.
Здѣсь каждый стройный домъ кончался легкой башней,
И все, что на землѣ, всходило въ Небеса.

Весь блѣдный Океанъ сліялся съ небосклономъ,
Нѣтъ нежеланнаго ни въ чемъ, ни гдѣ-нибудь.
Весь міръ наполнился однимъ воздушнымъ звономъ,
Вселенная была—единый Млечный Путь.

И этихъ блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
Сказали молча мнѣ, какой удѣлъ намъ данъ.
И въ тотъ полночный часъ я сталъ инымъ навѣки,
И понялъ я, о чемъ поетъ намъ Океанъ.

К. Бальмонтъ.



Гос
Публ
ЛЕНИНГРАД